

Е. Е. Иванов (Могилев)

АФОРИЗМ В ТЕКСТЕ И ВНЕ ТЕКСТА: СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА

Литературные афоризмы рассматриваются в лингвистике (так же, как это принято и в литературоведении [1; 8, 86–87]) как тексты независимо от того, являются они отдельными литературными произведениями или функционируют в произведениях большего, чем афоризм, объема (басни, драмы, романа и т. д.), за исключением тех афоризмов, смысл которых в той или иной степени контекстуально ограничен (гесп. может неадекватно интерпретироваться вне контекста). Индивидуально-авторские афоризмы, согласно общепринятому мнению, как и общеязыковые, и афоризмы-

реминисценции индивидуально-речевого характера, “вводятся” в текст [1, 366; 8, 86], обуславливая тем самым его “афористичность”, под которой обычно понимается “насыщенность речи афоризмами” [7, 24].

Однако если индивидуально-авторский афоризм возникает не в виде отдельного текста, а как элемент содержательной и /или композиционно-синтаксической структуры какого-либо произведения, то он может рассматриваться только как потенциальный текст. Соответствующая (текстуальная) актуализация индивидуально-авторского афоризма возможна лишь вне контекста его происхождения, в котором содержание и структура афоризма еще находятся в стадии своего формирования (т. е. допускается, что он еще или вообще не способен функционировать вне контекста своего происхождения в той же форме и с тем же содержанием). Поэтому утверждение об обязательно свойственных афоризму признаках текста безотносительно его генетической, содержательной, структурной и функциональной автономности (которое обычно не подвергается сомнению), следует все же считать ошибочным.

В попытке уйти от столь очевидного противоречия в теории литературы традиционно предлагается различать собственно “афоризмы” как самостоятельный вид словесного творчества и высказывания, извлеченные из определенного контекста (как правило, из речи литературного персонажа). Последние в терминах поэтики нередко вообще не квалифицируются как “афоризмы”, поскольку “характеризуют индивидуальность данного действующего лица” (т. е., как это обычно понимается, “не имеют прямой и всеобщий смысл”) и не “совместимые с целостным мировоззрением писателя” [9, 43]. Ср., например, в пьесе М. Горького “На дне” (1902), где известные слова Сатина *Человек... это звучит гордо* являются сверхэмпирическим обобщением (что содействовало их отрыву от контекста и широкому употреблению в русской речи в качестве крылатых), а замечание Пепла *Честь-совесть богатым нужна* – результат субъективного осмысления каких-то конкретных обстоятельств, и поэтому вне авторского контекста эпистемологически неактуально, даже алогично с точки зрения здравого смысла (примеры М. Н. Эпштейна [9]).

Выражения второго типа, как правило, не рассматриваются в рамках лингвистического анализа литературной афористики, хотя вне эстетического и /или этически ориентированного осмысления своего содержания (т. е. вне его сугубо литературоведческого понимания), безусловно, представляют (прежде всего, по своим семантическим и прагматическим параметрам) не меньший интерес для описания языковой природы афоризма, чем выражения первого типа.

Подобный дифференцированный подход к квалификации афоризма как объекта литературоведческого анализа отличается, во-первых, внутренней противоречивостью, поскольку иначе придется признать, что одно и то же высказывание

может одновременно и быть афоризмом, и не быть им только в зависимости от того, употреблено ли оно, соответственно, в речи автора или персонажа, и /или от того, какую смысловую нагрузку оно несет в содержательном контексте данного произведения. Во-вторых, такое понимание противоречит принципам научной методологии вообще, поскольку сама реальность существования какого-либо объекта действительности не может быть зависима от воли его исследователя, чего при описанном выше подходе избежать невозможно. Безошибочная квалификация того или иного высказывания в контексте произведения как афоризма либо как не афоризма остается в этом случае прерогативой исключительно самого автора данного произведения, что, конечно, выглядит не только абсолютно ненаучным, но и вообще бессмысленным.

Весьма показательным примером в этом отношении является широко известное пиратское издание 1901 г. компилятивного собрания афоризмов М. Горького, который тотчас отозвался об этом событии в письме в редакцию газеты “Санкт-Петербургские ведомости” (Нижний Новгород, 28 или 29 октября [10 или 11 ноября] 1901 г.): “Я получил с десяток писем по поводу книжки *“Максим Горький. Афоризмы и парадоксы”*. Авторы писем упрекают меня в том, что я выпускаю на книжный рынок книги, не имеющие никакого литературного значения. Считаю нужным заявить, что книга, возбуждающая вполне справедливое негодование моих корреспондентов, составлена без моего ведома лицом мне неизвестным. Составитель книги приписал мне взгляды и мнения моих героев. Думаю, что на книгах подобного рода должно стоять имя составителя” (*Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. XXVIII: Письма, телеграммы, надписи (1889–1906). М., 1954. С. 191*). Сам протест писателя, как можно видеть, был направлен не столько против самого факта издания выборки афористических изречений из его произведений (а соответственно, и признания права на их существование вне авторского текста безотносительно принадлежности того или иного афоризма автору либо какому-то персонажу), сколько против отождествления индивидуальных убеждений автора с полифонией мировоззренческих оценок персонажей его произведений.

В свою очередь, разграничение афористических изречений на “несовместимые” и “совместимые” [9] “с целостным мировоззрением писателя” не может не оставаться принципиально субъективным, поскольку очень часто автор высказывает свои обобщения устами какого-либо персонажа (обычно никак не эксплицируя этого и /или прямо не признавая последнего своим единомышленником), особенно в тех случаях, когда писатель скрывается под маской автора-повествователя и /или отсутствуют какие-либо достоверные источники информации об истории создания произведения и /или собственно авторской оценке его идейно-философского содержания.

Так, например, уже упомянутая крылатая фраза *Человек – это звучит гордо*, приписываемая отечественной традицией воззрениям самого М. Горького, не только является цитатой из драматического произведения, в котором, по определению, нет места прямой экспликации авторской позиции, но и принадлежит одному из самых, пожалуй, одиозных персонажей этого произведения. Учитывая же еще и внутренне противоречивый характер взглядов М. Горького в разные периоды творчества, а также пропагандистский характер социалистической литературной критики в освещении одного из самых известных произведений классика советской литературы и основоположника метода социалистического реализма сомнения в действительной объективности традиционной интерпретации идеологического авторства этого выражения (по крайней мере, на момент создания пьесы) становятся вполне основательными.

Не могли не отметить этого и сами литературоведы. Еще в конце 50-х гг. некоторыми западноевропейскими исследователями высказывалось мнение, что слова *Чело-век! Это – великоленно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека* (М. Горький. “На дне”, IV) не являются выражением миропонимания самого М. Горького, который вовсе не случайно вложил эти слова именно в уста босяка Сатина, чтобы “скомпрометировать, разоблачить их”, поскольку “понимал несостоятельность своей пропаганды возвеличивания человека, понимал, что человек не таков, каким бы он хотел его видеть” [6, 164].

В связи с пониманием любого непрецедентного афористического высказывания как текста возникла проблема “необходимости, допустимости и возможности видоизменять авторский текст” афоризма при его “извлечении” из контекста, а также того, какими должны быть изменения, чтобы неизбежная “переработка авторского произведения” имела более-менее корректный характер [4, 62–63].

Однако уже сама по себе постановка такого вопроса является не вполне корректной, так как здесь не учитывается тот очевидный факт, что в подобных случаях исследователь имеет дело не с афоризмом как “текстом в тексте” в буквальном смысле слова (т. е. абсолютно структурно автономным непрецедентным афористическим высказыванием, никак формально не связанным с авторским контекстом и поэтому не требующим никаких трансформаций при своем возможном употреблении в иных контекстах или как самостоятельного произведения), а с афористическим высказыванием как единицей речи, которая сама по себе “еще не текст”.

Соответственно, неверно и то, что индивидуально-авторские афоризмы, созданные в виде отдельного текста, способны “вводиться” в контекст своего происхождения (т. е. первого употребления). Вводить афоризм в текст вообще возможно только принципиально “вторым” употреблением, а это значит, что если не широко распространенный, то хотя бы однажды уже фиксированный либо в

речи самого говорящего или пишущего (как, если можно так выразиться, строевую единицу идиолекта), либо в чужой речи. Данное положение, кстати, позволяет фактически заново определить понятие “речевой афоризм” (в смысле дихотомии “речевой vs. языковой афоризм”) как афоризм, функционирующий уже вне авторского контекста, но еще не обладающий массовой воспроизводимостью (resp. еще не ставший крылатым выражением, поговоркой или пословицей), а не как только индивидуально-авторское новообразование говорящего (вопреки распространенному мнению, ср. [3, 6]).

Вполне очевидно также и то, что афоризм индивидуально-речевого происхождения возможно из контекста его авторского употребления, только “выделить”, как можно свободно выделить любой другой афоризм из любого контекста его употребления.

Поэтому сама по себе проблема видоизменения афоризма при его извлечении из авторского контекста – это, по существу, проблема определения и описания структурной парадигмы афористических высказываний (resp. системы возможных способов структурных трансформаций афоризма в речи) и установления критериев структурной целостности афоризма как единицы речи (определение понятия структурной парадигмы афоризма и ее основных типов см. [2]). В отношении же афоризма именно как “текста” вопрос о его цельности при возможном извлечении из авторского контекста возникает только в тех случаях, когда афористическое высказывание функционирует в нем как интертекст и может быть изъято из контекста без каких бы то ни было структурных и /или семантических видоизменений, однако без знания последнего (resp. ситуации своего употребления) может неадекватно интерпретироваться, как приведенное выше высказывание Пепла из пьесы М. Горького “На дне”. Только в этом смысле можно согласиться с М. Н. Эпштейном в том, что “проблема вычленения афоризма из текста всякий раз является дискуссионной, поскольку связана с абсолютизацией конкретного, замыканием открытого и подвижного” [9, 43].

Показательно, что на практике (преимущественно при составлении сборников афоризмов, извлеченных из литературных произведений) эта проблема решается чрезвычайно просто: афоризм, смысл которого может быть неадекватно понят вне авторского контекста, “вычленяется” вместе с необходимым контекстом. Ср. в сборнике афоризмов «Перекличка веков» (1990), составитель которого во введении справедливо замечает, что “в контексте произведений, откуда они изъятые, фразы звучат гораздо внушительнее” [5, 5]: *Нужно со смехом быть очень осторожным, – тем более что он заразителен, и стоит только тому, кто поостроумней, посмеяться над одной стороной дела, как уже вслед за ним тот, кто потупее и поглупее, будет смеяться над всеми сторонами дела* (Н. В. Гоголь. “Авторская исповедь”) ⇒ **Нужно со смехом быть очень осторожным, – тем более что он заразителен и т. п.* [5, 322]. Такого рода традиция подачи афоризма в контексте ведет свое начало еще от античных апоф(т)егм и хрий, а также так называемых “фрагментов” (“мыслей”, “опытов”, “рассуждений”,

“размышлений”, “рефлексий” и т. п.) классиков европейской литературной афористики XVI–XVIII веков. Это является еще одним подтверждением того, что отвлеченное содержание афоризмов когнитивно и прагматически актуализируется только в его потенциально бесконечных приложениях к тем или иным частным “ситуациям жизни” в соответствующих ситуациях речи.

Литература

1. Афоризм // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М., 1962. – Т. 1. – С. 366.
2. Иванов, Е. Е. Структурная парадигма афоризма как единицы языка vs. речи / Е. Е. Иванов // Вопросы романо-германской филологии. – Пятигорск, 1994. – С. 83–89.
3. Костомаров, В. Г. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре / В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин // Фелицьяна В. П. Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь [1980]. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1988. – С. 4–17.
4. Міхневіч, А. Я. Афарыстыка Якуба Коласа: (Да пастаноўкі праблемы) / А. Я. Міхневіч // Беларуская лінгвістыка – Мн., 1983. – Вып. 22. – С. 59–65.
5. Переключка веков: Размышления, суждения, высказывания / сост. В. Г. Носков. – М., 1990.
6. Вопросы литературы. – 1958. – № 8. – С. 149–171.
7. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов [1972] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 1985.
8. Федоренко, Н. Н. Афористика / Н. Н. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М., 1990.
9. Эпштейн, М. Н. Афористика / М. Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 43–44.